

УДК 34.01

DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-35-44

О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПОНИМАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мельников А. Г.*Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С. П. Королёва**141070, Московская обл., г. Королев, ул. Ленина, д. 4А, Российская Федерация**Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации**117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть новые тенденции в теории права в отношении понимания конструкции «юридическая ответственность в космической деятельности».

Процедуры и методы. В процессе исследования использованы как общие методы (анализа и синтеза), так и частноправовые (сравнительно-правовой, историко-правовой, правового прогнозирования), которые позволили получить репрезентативные результаты исследования и понять сущность новых идей в понимании юридической ответственности, а также их влияние на дальнейшее развитие доктрины космического права.

Результаты. Предложено новое понимание юридической ответственности в космической деятельности, рассмотрено влияние новых идей в понимании юридической ответственности на космические правоотношения, рекомендовано рассматривать регулирование отношений в космосе как управление качественно разнородных групп общественных отношений, ведущих к образованию новых систем международного космического права, международного частного космического права и частного космического права.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложены возможные пути развития доктрины космического права, а также самой конструкции юридической ответственности в космической деятельности, что позволит повысить устойчивость развития космической деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: теория правоотношений, ответственность в космической деятельности, развитие теоретических вопросов права в космосе

ON NEW TRENDS IN UNDERSTANDING LEGAL RESPONSIBILITY IN SPACE ACTIVITIES

A. Melnikov*S. P. Korolev Rocket and Space Corporation Energia**ul. Lenina 4A, Korolev 141070, Moscow region, Russian Federation**Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation**B. Cheremushkinskaya ul. 34, Moscow 117218, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal new trends in understanding the legal structure of responsibility in space activities.

Methodology. Both general methods (methods of analysis and synthesis) and private-legal methods (comparative-legal, historical-legal, legal forecasting) were used, which made it possible to obtain the results of the study and understand their impact on the further development of the doctrine of space law.

Results. A new understanding of legal responsibility in space activities is proposed, the influence of new ideas in the understanding of legal responsibility on space legal relations is considered, it is recommended to consider the regulation of relations in space as the management of qualitatively heterogeneous groups of social relations leading to the formation of new systems of international space law, international private space law and private space law.

Research implications. Possible ways of developing the doctrine of space law, as well as the very structure of legal responsibility in space activities, are proposed, which, according to the author, will increase the sustainability of the development of space activities in the Russian Federation.

Keywords: theory of legal relations, responsibility in space activities, development of theoretical issues of law in space

Введение

Успехи современной космической деятельности подтверждают, что её продуктивное развитие напрямую связано с условиями по ограничениям ответственности за результаты её проведения. Разумное снижение или/и ограничение ответственности при осуществлении такой деятельности в космосе создаёт основу для её ускоренного развития. Именно такой подход более чем оправдан в современных условиях, поскольку в настоящее время уже достигнутый уровень развития космических технологий имеет все технические возможности и резервы по снижению таких рисков нанесения вреда третьим лицам в соответствии с положениями международных договоров ООН о космосе¹.

Так, анализ общемировой статистики аварийных космических запусков, начиная с самых первых космических полётов, показывает (возьмём временные промежутки в 3 года), что в начале космической эры в 1957–1959 гг. в мире осуществлено всего 42,6% успешных запусков (из 81). В 2020–2022 гг. доля неуспешных пусков составила всего 8,8% (из 445 осуществлённых). Кроме того, следует отметить, что космической отраслью РФ за 4 последних года (с 2020 по 2023 гг.) осуществлён 81 космических запуск, при этом не было

ни одного неуспешного (не считая гибели на поверхности Луны станции Луна-25). При этом крайне немногочисленные случаи нанесения вреда третьим лицам отмечаются в научной литературе².

Таким образом, очевидна тенденция снижения степени опасности космической деятельности, что подтверждает необходимость пересмотра прежних подходов, сформированных в 50-х гг. XX в., базирующихся на оценке степени опасности космической деятельности как катастрофической. И в этом смысле космическое право требует введение разумных ограничений на лиц, осуществляющих деятельность в космосе.

Такая ответственность интересует в первую очередь частных лиц, ведущих космическую деятельность, поскольку их непосредственное участие и формирует сегодня космическую отрасль, и это представляется совершенно необходимым, поскольку служит в т. ч. и «общей заинтересованности всего человечества в прогрессе исследования и использования космического пространства в мирных целях»³.

¹ См., например: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (принят резолюцией 2222 (XXI) ГА ООН от 19 декабря 1966 г., подписан в Лондоне, Москве и Вашингтоне 27 января 1967 г. года.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 24. Ст. 2411.

² Известны весьма немногочисленные случаи нанесения ущерба именно третьим лицам: например, падение спутника СССР «Космос-954» с ядерной силовой установкой БЭС-5, на территории Канады в 1978 г., столкновение спутников Космос-2251 и Iridium 33 в 2009 г. Случаи, влекущие ущерб в космосе для самих запускающих государств (в т. ч. и трагические последствия с человеческими жертвами), как правило, успешно решались силами самих запускающих государств.

³ Декларация правовых принципов деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства (принята Генеральной Ассамблеей ООН Резолюцией 1962 (XVIII) от 13 декабря 1963 г.).

Исходя из этих предположений, некоторые страны¹ ввели в свои национальные правовые акты ряд юридических положений, в т. ч. и ограничений, для частных (негосударственных) участников космической деятельности за нанесение ущерба третьим лицам. В частности, американское космическое законодательство² юридически представляет свои полномочия в части компенсации частным лицам убытков, возникающих вследствие претензий третьих лиц в случае нанесения им ущерба при запусках частных космических объектов (трёхуровневая федеральная защита между правительством и частным сектором³). В законодательстве США также широко используется и принцип взаимного отказа от требований об ответственности, в частности, он регламентируется и как условие выдачи государственной лицензии на космическую деятельность (т. е. лицензия частной компании должна содержать требование к такому лицу об использовании в своих контрактах указанного принципа, что также снижает ответственность заинтересованных в такой деятельности

лиц вследствие распределения ответственности между ними) [13, р. 92].

Отметим, что законодательство Российской Федерации не содержит существенных положений по целенаправленной государственной поддержке, стимулированию частной космической деятельности, либо аналогов требований, существующих в законодательстве США⁴. Более того, до настоящего времени не разработаны законодательные нормы⁵ по страхованию ответственности за причинение вреда третьим лицам при осуществлении космической деятельности (в соответствии со ст.ст. 25, 27, 30 Закона РФ «О космической деятельности»).

Как видим, процесс формирования нового института ответственности в космическом праве отражает в т. ч. и общие тенденции общего эволюционного движения в космическом праве. Это выражается, в первую очередь, в рецепции существующих правовых институтов, прежде всего, частно-правовых, путём их адаптации к условиям применения в космосе. Вместе с тем при разработке новых подходов к пониманию юридической ответственности в космической деятельности необходимо учитывать и существующие в теории права и конституционном праве взгляды на понимание субъекта права (понимание его юридического статуса), который в будущем может стать активным участником космических правоотношений как физическое лицо [5; 6; 7].

По нашему мнению, все разновидности ответственности за ущерб в космической деятельности ведут к отказу от видов международной ответственности государства

¹ Это касается в первую очередь ряда стран, входящих в англосаксонскую правовую семью.

² United States Government Accountability Office, Report to Congressional Committees March 2017 год, р. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.defensedaily.com/wp-content/uploads/post_attachment/160253.pdf (дата обращения 07.09.2023); Sec. 50914 – Liability insurance and financial responsibility requirements, Title 51 - National and commercial space programs, Subtitle V - Programs Targeting Commercial Opportunities, Chapter 509 – Commercial space launch activities, from the U.S. Government Publishing Office [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gpo.gov> (дата обращения 07.09.2023).

³ I уровень страхового покрытия является обязанностью компании, осуществлявшей старт, и осуществляется в соответствии со страховым полисом, приобретённым этой компанией, или путём демонстрации финансовой ответственности, II уровень страхового покрытия должен быть предоставлен правительством США и покрывает любые претензии третьих лиц, превышающие конкретную сумму I уровня, до предела примерно в 3,1 млрд долларов, III уровень покрытия касается претензий третьих лиц, превышающих II уровень. Ответственность за этот III уровень несёт компания, осуществляющая старт, которая может запросить страховку сверх требуемой суммы I уровня для этого покрытия.

⁴ Однако подобные принципы взаимного отказа от требований об ответственности, в последнее время, находят отражение в ряде международных соглашений РФ по деятельности в космосе (например, в соглашениях в области исследования и использования космического пространства в мирных целях с республиками Казахстан, Беларусь). За исключением общих рекомендаций

⁵ Госкорпорации «Роскосмос»: Приказ от 1999 г. «О совершенствовании работ в области страхования космической деятельности», Положение «О порядке страхования рисков при пусках ракет-носителей с космическими аппаратами».

за действия своих частных лиц в космосе. Однако пути решения возникающих при этом проблемных вопросов до сих пор являются предметом дискуссий и до настоящего времени ожидают инициативы законодателя. Очевидно, что это в значительной части является причиной того, что в России практически не осуществляется коммерческая космическая деятельность негосударственными организациями, что и подчёркивается в научной литературе [11, с. 109–123]¹.

Вероятно, что на формирование юридических конструкций форм осуществления космической деятельности в РФ оказала влияние и исторически сложившаяся практика сотрудничества государств в космосе. Так, наиболее значимые космические проекты по созданию обитаемых космических станций были осуществлены в СССР и США. В Советском Союзе реализованы серьёзные национальные пилотируемые космические программы в области создания и эксплуатации долговременных обитаемых космических станций – «Салют» (1971 г.), «Алмаз» (1973 г.), «Мир» (1986 г.), а в США – станции «Скайлэб» (1973 г.). Однако имеющийся опыт показал, что на реализацию таких проектов, как создание и эксплуатация орбитальных станций, требуются значительные финансовые затраты. Так, в 1990-е гг. при недостатке государственного финансирования для продолжения эксплуатации станции «Мир» усилия, предпринятые РФ по её дальнейшей эксплуатации за счёт привлечения внебюджетного, коммерческого финансирования², оказались способными под-

держивать работу станции лишь в течение 1 года. Похожая ситуация, вследствие недостатка государственного финансирования, возникла и с американской станцией «Скайлэб»³.

В итоге на смену концепции исключительно национальных пилотируемых космических станций появилась совместная концепция международных космических станций (МКС)⁴. Стало очевидным, что масштабность пилотируемых космических программ требует объединения усилий многих государств, межгосударственных организаций и юридических лиц. Это предполагало разработку и иных концепций правовых форм и юридических инструментов для регулирования отношений, возникающих при совместной космической деятельности.

Так, первые серьёзные юридические проработки вопросов совместной деятельности осуществлены в рамках проекта МКС. В целях его осуществления в течение более 5 лет была задействована группа ведущих юристов космических агентств, стран – участниц проекта, и было подготовлено Межправительственное соглашение по МКС⁵ (подписано странами-

РФ от 21.01.1999 г. № 76 «О многоцелевом орбитальном пилотируемом комплексе "Мир"» предусматривалось финансирование всех этапов полета орбитального комплекса «Мир», включая его завершение управляемым сходом с орбиты, начиная со второй половины 1999 г., за счёт привлекаемых внебюджетных средств.

³ Станция «Скайлэб» активно просуществовала на орбите около 1 года (осуществлено 3 пилотируемых экспедиции) и была оставлена вследствие недостатка государственного финансирования.

⁴ Планируемые станции «Российская орбитальная станция» (РОС) и американская станция «Lunar Gateway» также будут привлекать других государственных участников. Однако в виде исключения следует представлять пилотируемую космическую программу КНР.

⁵ Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств – членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по Международной космической станции гражданского назначения от 29.01.1998 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 24. Ст. 2411.

¹ В частности, отмечается отсутствие в предметах правового регулирования космических объектов (см., например, на эту проблему в ст. 7 Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственном-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), этот же запрет касается и проведения концессионной деятельности в космосе при использовании Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (см., ст. 4 Закона «Объекты концессионного соглашения»).

² См. п. 1 Постановления Правительства

участниками в 1998 г.). При этом следует отметить высокий профессионализм и юридическую интуицию разработчиков Соглашения. 25-летний срок эксплуатации МКС показал правильность основных юридических подходов, заложенных в Соглашение по МКС. Успешно апробирован подход по реализации юридической конструкции о принципах «взаимного отказа от требований об ответственности за причинённый ущерб» (*cross waiver of liability*) в реализуемой на МКС деятельности. Прекрасно показали себя и другие юридические решения, например:

- положения об осуществлении государственной юрисдикции управляющего государства в орбитальном элементе МКС, а также в соответствующем космическом корабле;

- ряд положений о применении национальных законодательств об интеллектуальной собственности на МКС и нормы распоряжения правами собственности и пользования на элементы МКС, а также правами имущества партнёров по МКС;

- нормы кодекса поведения экипажа МКС и др.

С другой стороны, необходимо отметить, что созданные при этом правовые подходы и юридические инструменты по программе полета МКС были ориентированы на решение правовых задач в рамках конкретной специфической деятельности, в рамках конкретной программы, и не обладают полной универсальностью, что затрудняет их применение для иных космических программ. Более того, такой инструментальный подход, обладающий существенными вещно-правовыми признаками, не является универсальным для дальнейшего использования в космосе, поскольку не содержит явно принятых международных договорных обязательств государств, к которым на сегодняшний день принято относить и космическое право.

С другой стороны, при современном состоянии космического права необходимо анализировать и юридическую проблематику в космическом праве, что, по нашему мнению, требует изучения, всесторонне-

го анализа и осмысления возникающих правоотношений с учётом особенностей их юридических конструкций. Другими словами, осуществляемая космическая деятельность имеет свой ключевой элемент, определяющий специфику всей правовой действительности. Этим элементом является непосредственное космическое правоотношение, однако необходимо учитывать в его юридической конструкции наличие особенностей института ответственности. В научной литературе этот факт подчёркивается исходя из центральной роли института ответственности в правовом пространстве: «мы оказываемся в пространстве права там, где предусмотрена санкция за неправомерное поведение соответствующих субъектов» [3, с. 9].

Как было рассмотрено ранее, юридическая конструкция правоотношения в космосе является «атипичным, не укладывающимся в рамки классических подходов и носит комплексный межотраслевой характер» [4, с. 105–114]. Мы видим, что при общности объектов правового регулирования (деятельность по исследованию и использованию космического пространства с её результатами и благами, космические объекты, космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела) регулирование космической деятельности осуществляется и в различных правовых уровнях (публично-правовом и частно-правовом) и в различных отраслях права. Таким образом, реализованная структура существующей конструкции космического правоотношения (в первую очередь, в отношении ответственности) призвана регулировать единое «комплексное правоотношение», сочетающее частно-правовые и публично-правовые интересы. Несмотря на комплексный характер конструкции правоотношения, его невозможно разделить на частные и публичные интересы, поскольку при исключении из него частно-правовых либо публично-правовых интересов теряется и содержание самого правоотношения как единого целого их объединяющего содержания.

Таким образом, мы приходим к заключению о существовании в космическом праве единого комплексного правоотношения, объединяющего частно-правовые и публично-правовые признаки. Данная конструкция возникла включением частных лиц в обычную космическую деятельность государств, что подтверждается и исторически. Исторически она возникла из попыток компромиссного объединения частного и общественного интересов в период разработки положений Договора по космосу¹, что осуществлено странами социалистического лагеря во главе с СССР и странами капиталистического правопроявления во главе с США.

Отметим, что под влиянием таких тенденций в отношении конструкции структуры правоотношения в настоящее время, в частности, за рубежом активно продвигается концепция «нового космоса» (*new space*), представляющая собой некую концепцию развития так называемого частного космоса, опирающегося на частный интерес, в сравнении с концепцией «старого космоса», опирающегося на государственный интерес². Однако, при этом серьёзно ограничивается вовлечение многочисленных частных лиц в космическую деятельность, т. к. при этом отсутствует верхний предел ответственности по возмещению ущерба для третьих лиц (неограниченная ответственность неприемлема для частных участников космической деятельности, обладающих ограниченной имущественной ответственностью)³. Для устранения этого

препятствия, как уже было сказано ранее, в ряде стран реализована государственная система ограничения ответственности (широко используемая в США, Дании, Финляндии и др.) путём издания национальных нормативных актов, устанавливающих верхнюю границу такой ответственности. В дополнение к этому факту государством регламентируется обязательное применение дополнительных юридических инструментов страхования ответственности [8, с. 60–61; 9, с. 76–77].

Таким образом, всё это приводит к мысли о назревшей необходимости адаптации существующей конструкции правоотношений в космической деятельности к учёту факта существующей реальности, указывающей на то, что непосредственная деятельность в космосе становится всё более похожа на повседневную деятельность человека, и это мало чем отличает её от регламентации такой деятельности на Земле. При этом частная космическая деятельность становится частью всеобщей частной деятельности, и её регулирование должно основываться на общих, уже отработанных правовых подходах и многовековых традициях институтов частного права, в т. ч. и вопросов института ответственности.

Следует отметить, что публично-правовая регламентация космической деятельности является совершенно необходимой частью государственного регулирования, аналогично и иным видам деятельности человека на Земле. Реализация такого подхода предполагает разделение существующей комплексной конструкции правоотношений в космосе на ряд простых классических юридических конструкций, эффективных для решения именно частноправовых задач и исключающих ответственность государства за деятельностью своих неправительственных участников. Такой вариант существенно упростит и дальнейшее решение вопросов по государственному возмещению нанесённого вреда частными участниками такой деятельно-

¹ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (принят резолюцией 2222 (XXI) ГА ООН от 19 декабря 1966 г., подписан в Лондоне, Москве и Вашингтоне 27 января 1967 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 24. Ст. 2411.

² SpaceTech Industry 2021 / Q2 Landscape Overview [Электронный ресурс]. URL: <https://analytics.dkvglobal/spacetech/SpaceTech-Industry-2021-Report.pdf> (дата обращения: 25.07.2021).

³ Ю. М. Колосов отмечает: «для поощрения развития какого-либо нового, еще не до конца испытанного вида техники и с целью защиты его владельцев от возможного разорения необходима система ограничения ответственности». См.: Колосов Ю. М., Ответственность в международном праве. М.:

Статут, 2014. С. 138.

сти и может быть решён путём коммерческого арбитража [1, с. 23–27].

Кроме того, в целях стимулирования развития частной космической деятельности законодательством США (в международном соглашении по программе «Артемиды»¹) разработаны так называемые зоны безопасности² при учёте представления о возможности реализации добычи внеземных полезных ископаемых в состоянии *not in situ*, вместе с тем, не нарушая принципа «не присвоения государствами небесных тел». Данный подход практически реализован рядом государств в космическом пространстве в качестве участников этого соглашения³. Он действует с учётом уже практически сложившегося положения о такой добыче как установка международной правовой доктрины в режиме *persistent objectors*. При этом упомянутые «зоны безопасности» обеспечиваются прямой государственной поддержкой и защитой⁴, т. е. имеют прямую связь с образовавшим её государством, что подтверждается и её охраной вне зависимости от мнения контролирующих организаций.

Это отличается от правового положения научных зон в Антарктике⁵ (п. 3 ст. VII

«Все районы Антарктики, включая все станции, установки и оборудование в этих районах, а также все морские и воздушные суда в пунктах разгрузки и погрузки груза или персонала в Антарктике всегда открыты для инспекции любыми наблюдателями, назначенными в соответствии с положениями п. 1 настоящей статьи.») и Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах⁶ (п. 1 ст. 15 «В этих целях все космические аппараты, оборудование, установки, станции и сооружения на Луне открыты для других государств-участников»). Этим подтверждается режим особой государственной юрисдикции «зон безопасности» на небесном теле, что является новым в космическом праве.

Исходя из этого, отметим, что объективно возникающие возможности в космическом праве по организации деятельности в космосе частных лиц могли бы предположить следующие направления для развития космического права (но при обязательном сохранении главного принципа космической деятельности, заключающейся в «не присвоении государствами небесных тел»):

- изменение ответственности негосударственных (частных лиц) в космической деятельности на частную, ограниченную ответственность, обеспечиваемую конкретным государством, например, в рамках задач по государственному режиму обеспечения страхования;

- государствам необходимо пересмотреть режим ответственности за запуски космических объектов, например, в качестве аналога можно применить режимы институтов морского права (государственная принадлежность судна определяется по флагу государства на космическом аппарате), т. е. изменить и статус правового режима запускающего государства;

- поскольку на небесных телах уже фактически появились «безопасные зоны», подтверждённые доктриной *persistent ob-*

¹ The Artemis accords principles for cooperation in the civil exploration and use of the moon, mars, comets, and asteroids for peaceful purposes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/img/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf> (дата обращения: 07.09.2023).

² См.: Section 11 - Deconfliction of space activities, упомянутого соглашения.

³ В настоящее время страны – подписанты соглашения «Артемиды»: США, Великобритания, Австралия, Италия, Канада, Люксембург, ОАЭ, Япония, Украина, Южная Корея, Новая Зеландия, Бразилия, Польша, Мексика, Израиль, Румыния, Бахрейн, Сингапур, Колумбия, Франция, Саудовская Аравия, Руанда, Чехия, Эквадор, Индия, Испания, Германия, Нидерланды, Болгария, Ангола.

⁴ Доступ в «зону безопасности» должен осуществляться с учётом её защиты от разглашения «конфиденциальной информации и информации, контролируемой экспортом» (ст. 9 соглашения по программе «Артемиды»).

⁵ Договор об Антарктике (подписано в г. Вашингтоне 01.12.1959) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XXII. М., 1967. С. 233–239.

⁶ Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах (принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 05.12.1979 г.).

jector и безусловно требующих появления границ безопасности и их охраны [10, с. 25–28], то на небесных телах появляются своеобразные «анклавы» государств, производящие разработку космических ресурсов и действующие по праву того государства, которое их образовало¹.

В отношении приемлемости доктрины *persistent objectors* отметим, что СССР осуществил запуск первого спутника (ранее 4 октября 1957 г.) в условиях правовой неопределённости в части условности разделения границ правового пространства земли и космоса, и это не спровоцировало никаких международных протестов. Впоследствии на совещании у президента Эйзенхауэра заместитель министра обороны Д. А. Куорлз сказал: «Русские непреднамеренно создали для нас хорошую ситуацию для утверждения принципа свободы космического пространства» [12, р. 52]. Таким образом, действиями СССР был закреплён первый международный прецедент доктрины свободного космоса (в соответствии с упомянутой доктриной *persistent objectors*).

При ином взгляде в Российской Федерации при рассмотрении сложившейся на сегодня правовой ситуации по добыче космических ресурсов, аналогично предлагаемой к использованию в международном соглашении по программе «Артемиды», её дальнейшее полное игнорирование, включая отсутствие своих собственных предложений, может привести к серьёзным правовым упущениям.

Заключение

Итак, в свете активного развития космической отрасли правительству РФ необходимо подготовить доктринальные разработки развития космического права, касающиеся следующих вопросов:

1) исключения ответственности государства за деятельность своих частных (негосударственных) лиц, которые долж-

ны отвечать за свои действия как частные субъекты космического права²;

2) коммерциализация космического права в РФ;

3) добыча внеземных полезных ископаемых с учётом реализации концепции в состоянии *not in situ*, а также с учётом уже практически применяемого положения в международном праве по доктрине *persistent objectors*.

И в этом аспекте следует рассмотреть и 3 возможные причины для возникновения следующих отраслей космического права, касающихся деятельности в космосе публичных и негосударственных лиц (публичного и частного права):

1) совокупность международно-правовых норм и принципов, регулирующих отношения между государствами и международными организациями по исследованию космического пространства, Луны и других небесных тел, а также устанавливающих международно-правовой режим космического пространства как международного космического права (МКП – так, как его понимают сегодня);

2) совокупность материальных и коллизионных норм, регулирующих связанные с космической деятельностью имущественные и личные неимущественные отношения, осложнённые иностранным элементом³ как международного частного космического права (МЧКП), в т. ч. созданного, и появлением «зон безопасности», прямо связанных с государством,

² Это и есть главная причина отнесения к публичной правовой деятельности самого международного космического права и исключения из него частной деятельности, имеющей концептуальный характер, для правовых систем, относящихся к континентальному типу.

³ Это признают и в научных публикациях, например, М. Р. Юзбашян, признающая существование международного частного космического права (МЧКП) в качестве части Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования, применительно к космическому имуществу (в случае принятия Протокола по вопросам, касающимся космического имущества). См.: Юзбашян М. Р. Международно-правовые основы решения экономических проблем использования космоса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 207 с.

¹ См.: p. 11 Section 11 – Deconfliction of space activities of The Artemis accords principles for cooperation in the civil exploration and use of the moon, mars, comets, and asteroids for peaceful purposes.

частным образом разрабатывающим космические ресурсы на небесных телах (сюда можно также отнести и частные космические объекты, на которых производится космическая деятельность);

3) совокупность отношений между частными лицами и государством, которые регулируют отношения независимых субъектов-товаровладельцев по принадлежности или использованию имущества, основанные на юридическом равенстве субъектов, автономии их воли и имущественной самостоятельности и обособленности, как

частного космического права (ЧКП), разрабатываемого гражданским правом¹.

Как справедливо отмечает профессор А. Я. Капустин в своей монографии, понятие «глобальное космическое право и вытекающие из него современные концепции международного и национального космического права не завершено. Предстоящий процесс этапа освоения космоса требует инновационных теорий» [2, с. 263].

Статья поступила в редакцию 01.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Засемкова О. Ф. К вопросу о способах разрешения космических споров // Международное публичное и частное право. 2023. № 1. С. 23–27.
2. Капустин А. Я., Авхадеев В. Р., Головина А. А. Формирование современной международно-правовой концепции исследования и использования космического пространства. М.: Инфра-М, 2021. 264 с.
3. Лазарев В. В. Судебный активизм в формировании правового пространства // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 9. С. 5–17.
4. Мельников А. Г. Правоотношение в космическом пространстве, как особая юридическая конструкция // Право и образование. 2021. № 12. С. 105–114.
5. Певцова Н. С. Новые подходы к конституционному статусу личности в свете принятия поправок к основному закону государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 32–36.
6. Певцова Е. А. Образовательный и профессиональный статус современной молодежи: социолого-правовой анализ // Вестник Российской правовой академии. 2009. № 2. С. 12–16.
7. Певцова Е. А. О некоторых особенностях юридической техники в процессе правотворчества в сфере образования // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2013. № 4. С. 113–121.
8. Порохин И. Б., Законодательство США о коммерческой космической деятельности // Русский космос. 2019. № 5. С. 60–61.
9. Порохин И. Б. Законы Дании и Финляндии о космической деятельности // Русский космос. 2019. № 7. С. 76–77.
10. Степанов О. А. Меры правового обеспечения безопасности космических объектов Российской Федерации, находящихся на небесных телах // Современное право. 2018. № 6. С. 25–28.
11. Якушева Р. Р. О возможности коммерциализации космической деятельности в Российской Федерации: правовой анализ законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 5. С. 109–123.
12. Exploring the Unknown: Selected Documents in the History of the U.S. Civil Space Program, Volume IV: Accessing Space (The NASA History Series) / ed. J. M. Lodgson. Washington, 1999. 718 p.
13. Larsen P. Cross-Waivers of Liability [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3787165> (дата обращения: 07.09.2023).

В дополнение к этому отметим, что часть космических экспериментов, проводимых на орбитальных станциях МИР (конец 2000-х гг.) и МКС (начиная с 2001 г.), а кроме того, все полёты космических туристов (9 человек с 2001 по 2021 гг.) на МКС организовывались в рамках контрактов международного частного космического права, однако с непременным участием Госкорпорации «Роскосмос» (как уполномоченным органом РФ по космической деятельности), с физическим лицом иностранной юрисдикции гражданином США Д. Тито, либо через иностранную частную компанию SPACE ADVENTURES, Inc., США, штат Делавер.

¹ Суханов Е. А. Российское гражданское право: учебник. Т. I. М.: Статут, 2011. С. 61; это также отмечает и С. П. Малков, как необходимую меру для принятия кодекса законов о космической деятельности РФ. См.: Малков С. П. История правового регулирования космической деятельности по исследованию и освоению небесных тел в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 198 с.

REFERENCES

1. Zasemkova O. F. [On the issue of ways to resolve space disputes]. In: *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo* [International public and private law], 2023, no. 1, pp. 23–27.
2. Kapustin A. Ya., Avkhadeev V. R., Golovina A. A. *Formirovaniye sovremennoy mezhdunarodno-pravovoy kontseptsii issledovaniya i ispol'zovaniya kosmicheskogo prostranstva* [Formation of a modern international legal concept for the study and use of outer space]. Moscow, Infra-M Publ., 2021. 264 p.
3. Lazarev V. V. [Judicial activism in the formation of legal space]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2021, vol. 25, no. 9, pp. 5–17.
4. Melnikov A. G. [Legal relations in outer space as a special legal structure]. In: *Pravo i obrazovaniye* [Law and Education], 2021, no. 12, pp. 105–114.
5. Pevtsova N. S. [New approaches to the constitutional status of the individual in the light of the adoption of amendments to the basic law of the state]. In: *Gosudarstvennaya vlast i mestnoye samoupravleniye* [State power and local self-government], 2020, no. 8, pp. 32–36.
6. Pevtsova E. A. [Educational and professional status of modern youth: sociological and legal analysis]. In: *Vestnik Rossiyskoy akademii zakona* [Bulletin of the Russian Legal Academy], 2009, no. 2, pp. 12–16.
7. Pevtsova E. A. [On some features of legal technology in the process of lawmaking in the field of education]. In: *Fundamentalnyye i prikladnyye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki* [Fundamental and applied studies of the cooperative sector of the economy], 2013, no. 4, pp. 113–121.
8. Porokhin I. B. [US legislation on commercial space activities]. In: *Russkiy kosmos* [Russian Space], 2019, no. 5, pp. 60–61.
9. Porokhin I. B. [Laws of Denmark and Finland on space activities]. In: *Russkiy kosmos* [Russian Space], 2019, no. 7, pp. 76–77.
10. Stepanov O. A. [Measures of legal support for the safety of space objects of the Russian Federation located on celestial bodies]. In: *Sovremennoye pravo* [Modern law], 2018, no. 6, pp. 25–28.
11. Yakusheva R. R. [On the possibility of commercialization of space activities in the Russian Federation: legal analysis of legislation]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Episode 11: Law], 2022, no. 5, pp. 109–123.
12. Lodgson J. M., ed. *Exploring the Unknown: Selected Documents in the History of the U.S. Civil Space Program, Volume IV: Accessing Space (The NASA History Series)*. Washington, 1999. 718 p.
13. Larsen P. Cross-Waivers of Liability. Abstract at: <https://ssrn.com/abstract=3787165> (accessed: 07.09.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мельников Александр Георгиевич – начальник отдела контрактов и соглашений по космическим экспериментам, автоматическим КА, средствам выведения импорта, Ракетно-космической корпорации «Энергия» имени С. П. Королёва.
e-mail: Melnikov.alexander@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander G. Melnikov – Departmentally Head, Department of Contracts and Agreements on space experiments, automatic spacecraft, import launch vehicles, S. P. Korolev Rocket and Space Corporation Energia;
e-mail: alexander.melnikov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мельников А. Г. О новых тенденциях понимания юридической ответственности в космической деятельности // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 35–44.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-35-44

FOR CITATION

Melnikov A. G. On New Trends in Understanding Legal Responsibility in Space Activities. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 4, pp. 35–44.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-35-44